

Цзин И провёл пальцем по крышке чашки, размышляя о том, что, хотя ребёнок был избалован и своенравен, если бы он прожил дольше, то, повзрослев, мог бы стать опорой государства.

В голове Цзин И мелькали разные мысли, он размышлял о круговороте причин и следствий, словно был всего лишь сторонним наблюдателем.

Хотя Се Мяо погиб от рук его собственных солдат, Цзин И не испытывал особого чувства вины. В конце концов, это не он отдал приказ убить, и этот долг должен быть вменён Цзин Шо.

Говоря о Цзин Шо, этот тиран совершил немало злодеяний. Интересно, какая кара ждёт его в будущем?

В это время во дворце Великой вдовствующей императрицы только что получили известие о том, что господин Се остановил на улице карету князя Цзя, и в ходе беспорядков был убит солдатами князя.

Великая вдовствующая императрица в этот момент подрезала ветки цветов. Услышав новость, она невольно дрогнула рукой, и вместо того чтобы обрезать лишние листья, случайно срезала бутон, готовый распуститься.

Не замечая этого, она уставилась на докладчика:

— Ты сказал, что Мяо, Мяо он...

Докладчик опустил голову:

— Господин Се скончался на месте.

Великая вдовствующая императрица почувствовала, как грудь сдавило, словно она не могла вздохнуть.

Её племянник был ей очень дорог. Умный, одарённый, хотя и с некоторыми недостатками, но в глазах Великой вдовствующей императрицы это не было проблемой. Ведь он был ещё молод, и с возрастом всё наладилось бы.

И вот, в одно мгновение...

Он ушёл?

Служащий евнух, стоявший рядом, уже сменился. Видя, как дрожит рука Великой вдовствующей императрицы, он боялся, что она случайно поранит себя. Он хотел взять ножницы, но не осмеливался действовать без разрешения, опасаясь навлечь на себя гнев в такой момент.

Прошло много времени, прежде чем Великая вдовствующая императрица глубоко вздохнула, положила ножницы и сказала:

— Я поняла. Канцлер... ладно, ты можешь идти.

После того как докладчик удалился, Великая вдовствующая императрица отпустила всех слуг и осталась одна во дворце.

Се Мяо был прямым потомком её семьи, и, услышав о его смерти, она, как тётя, естественно, почувствовала горе.

Но это горе было неглубоким, несравнимым с тем, что испытывал Се Ханьсинь, будто у него вырвали сердце и вытянули кости.

Великая вдовствующая императрица даже к своему сыну не испытывала особой нежности, не говоря уже о сыне другого.

Погоревав мгновение, она переключилась на размышления о том, как действовать дальше.

Раз Мяо уже мёртв, его смерть должна быть использована с пользой.

Солдаты князя Цзя убили на улице сына канцлера — это был удачный повод, чтобы связать князя Цзя, лишить его поддержки и, возможно, даже устранить его.

Великая вдовствующая императрица, размышляя об этом, снова взяла серебряные ножницы и продолжила неторопливо подрезать ветки цветка.

— С чего начать, чтобы использовать это событие как рычаг, расколоть партию князя Цзя и подорвать его военную власть?

Цзин И много лет провёл в походах, и многие в армии были его последователями, включая даже генерала Хэ Циня, который был его близким другом.

Тем временем Се Ханьсинь, придя в себя, первым делом отправился искать своего сына.

Начальник Палаты Дали не осмелился препятствовать скорбящему отцу, поддерживая его, он вернулся в комнату, где лежало тело.

Тело уже снова было покрыто белой тканью, и Се Ханьсинь пришлось снова открыть его.

Снова увидев лицо Се Мяо, он почувствовал, как подкашиваются ноги, но на этот раз он сдержался. Достал из кармана чистый шёлковый платок и вытер кровь с лица сына.

Затем попытался закрыть глаза Се Мяо, но несколько раз это не удавалось.

Се Ханьсинь почувствовал острую боль в груди и пообещал своему младшему сыну:

— Не волнуйся, сынок, отец не позволит, чтобы ты умер напрасно. Иди с миром.

Но глаза Се Мяо всё ещё не закрывались.

И так уже было достаточно печально, что старик провожает молодого, но теперь, глядя на тело сына, он увидел, что тот умер с открытыми глазами.

Се Ханьсинь почувствовал горечь, и слёзы едва не потекли из его глаз. Чтобы сдержать их, глаза покраснели.

— Мяо, это отец. Оставь всё мне. Иди медленно по дороге в загробный мир. Я уже стар, скоро присоединюсь к тебе. Иди, не заставляй отца так страдать.

После этих слов он снова попытался закрыть глаза Се Мяо, и на этот раз они закрылись.

Сюй Мэн, привыкший в Палате Дали видеть человеческие трагедии, не мог не почувствовать сострадания при такой сцене.

Он подготовил множество формальных фраз, чтобы подготовить почву для расследования, но, смягчившись, махнул рукой и увел своих людей, оставив Се Ханьсиня одного с Се Мяо.

Сюй Мэн, уйдя, не стал бездельничать, а сразу отправился к Цзин И.

Эти два важных человека были для него непосильной ношей, и если он не будет осторожен, то может лишиться не только карьеры, но и жизни.

Цзин И, попивая чай, увидев входящего Сюй Мэна, улыбнулся:

— Господин Сюй, вы, кажется, совсем расслабились.

Сюй Мэн горько усмехнулся:

— Не так, как ваше высочество. Почему вы смеётесь надо мной?

Цзин И:

— Что случилось?

Сюй Мэн:

— ... Позволю себе быть откровенным, ваше высочество. Ваши солдаты совершили убийство на улице, на глазах у всех. Это дело нельзя игнорировать. Если у вас есть доказательства вашей невиновности или... какие-то планы, лучше сообщите мне заранее, чтобы я мог действовать соответственно.

Цзин И улыбнулся:

— Господин Сюй, вы шутите. Какие у меня могут быть планы? Но доказательства, возможно, появятся. Не беспокойтесь, мой наставник уже отправился за ними. Я не поставлю вас в неудобное положение.

Сюй Мэн сухо рассмеялся.

Не поставить его в неудобное положение? Этим словам Цзин И он не мог поверить.

Се Ханьсинь, держа руку сына, молча сидел долгое время, а когда встал, уже начало темнеть.

Сюй Мэн всё это время ждал. Он был уверен, что канцлер, оправившись от горя, первым делом отправится к князю Цзя с обвинениями. Поэтому он оставался здесь, чтобы посредничать и предотвратить конфликт между этими двумя важными людьми в Палате Дали. Ведь если в городе ничего не случится, то и рыба в пруду не сварится.

Но, к его удивлению, Се Ханьсинь, встав, даже не упомянул князя Цзя. Хотя горе на его лице не уменьшилось, он выглядел более спокойным и собранным.

Он только сказал:

— Согласно правилам Палаты Дали, пока дело не будет закрыто, тело Мяо останется здесь. Надеюсь, господин Сюй, вы позаботитесь о нём.

Сюй Мэн поспешно согласился, пообещав, что тело господина Се будет в безопасности.

Се Ханьсинь поблагодарил и ушёл.

Сюй Мэн остался на месте, не веря, что всё прошло так легко. Неужели все решилось без конфликта?

Се Ханьсинь, старый лис в политике, сидя рядом с телом сына, не только скорбел, но и обдумывал, как быстрее и эффективнее отомстить князю Цзя.

Что касается предположений Сюй Мэна о прямом противостоянии с князем Цзя, то это было не нужно. Все они были опытными политиками и могли предугадать, какие оправдания будут использованы.

Скорбь от потери сына могла заставить его вести себя как деревенский мужик, крича и угрожая, но это было бы недостойно — и, вероятно, Мяо не хотел бы видеть своего отца таким.

Поэтому лучше не встречаться с князем Цзя.

А что касается господина Сюй Мэна, то он был слишком хитрым, и канцлеру не стоило унижаться, прося его помочь в деле сына.

Он мог сам добиться справедливости для сына.

Выйдя из Палаты Дали, Се Ханьсинь сел в карету и приказал ехать обратно. Он хотел обсудить с Великой вдовствующей императрицей, как заставить Цзин И заплатить кровью.

Но, отправляясь туда, он был уверен, что его сестра поддержит его, ведь Великая вдовствующая императрица тоже любила Се Мяо.

Однако, встретившись, он обнаружил, что её отношение было весьма двусмысленным.

Не то чтобы она не хотела отомстить за Се Мяо, но в её приоритетах месть за него не стояла на первом месте.

<http://bllate.org/book/16211/1455785>